

Драма — текст 1 из 2

Павел Васильич, там какая-то дама пришла, вас спрашивает, доложил Лука. Уж целый час дожидается...

Павел Васильевич только что позавтракал. Услыхав о даме, он поморщился и сказал:

Ну ее к чёрту! Скажи, что я занят.

Она, Павел Васильич, уже пять раз приходила. Говорит, что очень нужно вас видеть... Чуть не плачет.

Гм... Ну, ладно, проси ее в кабинет.

Павел Васильевич не спеша надел сюртук, взял в одну руку перо, в другую книгу и, делая вид, что он очень занят, пошел в кабинет. Там уже ждала его гостя большая полная дама с красным, мясистым лицом и в очках, на вид весьма почтенная и одетая больше чем прилично (на ней был турнюр с четырьмя перехватами и высокая шляпка с рыжей птицей). Увидев хозяина, она закатила под лоб глаза и сложила молитвенно руки.

Вы, конечно, не помните меня, начала она высоким мужским тенором, заметно волнуясь. Я... я имела удовольствие познакомиться с вами у Хруцких... Я Мурашкина...

А-а-а... мм... Садитесь! Чем могу быть полезен?

Видите ли, я... я... продолжала дама, садясь и еще более волнуясь. Вы меня не помните... Я Мурашкина... Видите ли, я большая поклонница вашего таланта и всегда с наслаждением читаю ваши статьи... Не подумайте, что я льщу, избави бог, я воздаю только должное... Всегда, всегда вас читаю! Отчасти я сама не чужда авторства, то есть, конечно... я не смею называть себя писательницей, но... все-таки и моя капля меда есть в улье... Я напечатала одновременно три детских рассказа, вы не читали, конечно... много переводила и... и мой покойный брат работал в Деле.

Так-с... э-э-э... Чем могу быть полезен?

Видите ли... (Мурашкина потупила глаза и зарумянилась.) Я знаю ваш талант... ваши взгляды, Павел Васильевич, и мне хотелось бы узнать ваше мнение, или, вернее... попросить совета. Я, надо вам сказать, pardon pour l'expression¹, разрешилась от бремени драмой, и мне, прежде чем посылать ее в цензуру, хотелось бы узнать ваше мнение.

Мурашкина нервно, с выражением пойманной птицы, порылась у себя в платье и вытащила большую жирную тетрадищу.

Павел Васильевич любил только свои статьи, чужие же, которые ему предстояло прочесть или прослушать, производили на него всегда

впечатление пушечного жерла, направленного ему прямо в физиономию.

Увидев тетрадь, он испугался и поспешил сказать:

Хорошо, оставьте... я прочту.

Павел Васильевич! сказала томно Мурашкина, поднимаясь и складывая молитвенно руки. Я знаю, вы заняты... вам каждая минута дорога, и я знаю, вы сейчас в душе посылаете меня к чёрту, но... будьте добры, позвольте мне прочесть вам мою драму сейчас... Будьте милы!

Я очень рад... замялся Павел Васильевич, но, сударыня, я... я занят... Мне... мне сейчас ехать нужно.

Павел Васильевич! простонала барыня, и глаза ее наполнились слезами. Я жертвы прошу! Я нахальна, я назойлива, но будьте великодушны! Завтра я уезжаю в Казань, и мне сегодня хотелось бы знать ваше мнение. Подарите мне полчаса вашего внимания... только полчаса! Умоляю вас!

Павел Васильевич был в душе тряпкой и не умел отказывать. Когда ему стало казаться, что барыня собирается зарыдать и стать на колени, он сконфузился и забормотал растерянно:

Хорошо-с, извольте... я послушаю... Полчаса я готов.

Мурашкина радостно вскрикнула, сняла шляпку и, усевшись, начала читать. Сначала она прочла о том, как лакей и горничная, убирая роскошную гостиную, длинно говорили о барышне Анне Сергеевне, которая построила в селе школу и больницу. Горничная, когда лакей вышел, произнесла монолог о том, что ученье свет, а неученье тьма; потом Мурашкина вернула лакея в гостиную и заставила его сказать длинный монолог о барине-генерале, который не терпит убеждений дочери, собирается выдать ее за богатого камер-юнкера и находит, что спасение народа заключается в круглом невежестве. Затем, когда прислуга вышла, явилась сама барышня и заявила зрителю, что она не спала всю ночь и думала о Валентине Ивановиче, сыне бедного учителя, безвозмездно помогающем своему больному отцу. Валентин прошел все науки, но не верует ни в дружбу, ни в любовь, не знает цели в жизни и жаждет смерти, а потому ей, барышне, нужно спасти его.

Павел Васильевич слушал и с тоской вспоминал о своем диване. Он злобно оглядывал Мурашкину, чувствовал, как по его барабанным перепонкам стучал ее мужской тенор, ничего не понимал и думал:

Чёрт тебя принес... Очень мне нужно слушать твою чепуху!.. Ну, чем я виноват, что ты драму написала? Господи, а какая тетрадь толстая! Вот наказание!

Павел Васильевич взглянул на простенок, где висел портрет его жены, и вспомнил, что жена приказала ему купить и привезти на дачу пять аршин тесьмы, фунт сыру и зубного порошку.

Как бы мне не потерять образчик тесьмы, думал он. Куда я его сунул?

Кажется, в синем пиджаке... А подлые мухи успели-таки засыпать многоточиями женин портрет. Надо будет приказать Ольге помыть стекло... Читает XII явление, значит, скоро конец первого действия. Неужели в такую жару, да еще при такой корпуленции, как у этой туши, возможно вдохновение? Чем драмы писать, ела бы лучше холодную окрошку да спала бы в погребке...

Вы не находите, что этот монолог несколько длинен? спросила вдруг Мурашкина, поднимая глаза.

Павел Васильевич не слышал монолога. Он сконфузился и сказал таким виноватым тоном, как будто не барыня, а он сам написал этот монолог: Нет, нет, нисколько... Очень мило...

Мурашкина просияла от счастья и продолжала читать:

Анна. Вас заел анализ. Вы слишком рано перестали жить сердцем и доверились уму. Валентин. Что такое сердце? Это понятие анатомическое. Как условный термин того, что называется чувствами, я не признаю его. Анна (смутившись). А любовь? Неужели и она есть продукт ассоциации идей? Скажите откровенно: вы любили когда-нибудь? Валентин (с горечью). Не будем трогать старых, еще не заживших ран (пауза). О чем вы задумались? Анна. Мне кажется, что вы несчастливы.

Во время XVI явления Павел Васильевич зевнул и нечаянно издал зубами звук, какой издают собаки, когда ловят мух. Он испугался этого неприличного звука и, чтобы замаскировать его, придал своему лицу выражение умильного внимания.

XVII явление... Когда же конец? думал он. О, боже мой! Если эта мука продолжится еще десять минут, то я крикну караул... Невыносимо!

Но вот наконец барыня стала читать быстрее и громче, возвысила голос и прочла: Занавес.

Павел Васильевич легко вздохнул и собрался подняться, но тотчас же Мурашкина перевернула страницу и продолжала читать:

Действие второе. Сцена представляет сельскую улицу. Направо школа, налево больница. На ступенях последней сидят крестьяне и крестьянки.

Виноват... перебил Павел Васильевич. Сколько всех действий?

Пять, ответила Мурашкина и тотчас же, словно боясь, чтобы слушатель не ушел, быстро продолжала: Из окна школы глядит Валентин. Видно, как в глубине сцены крестьяне носят свои пожитки в кабак.

Как приговоренный к казни и уверенный в невозможности помилования, Павел Васильевич уж не ждал конца, ни на что не надеялся, а только старался, чтобы его глаза не слипались и чтобы с лица не сходило выражение внимания... Будущее, когда барыня кончит драму и уйдет, казалось ему таким отдаленным, что он и не думал о нем.

Тру-ту-ту-ту... звучал в его ушах голос Мурашкиной. Тру-ту-ту... Жжжж... Забыл я соды принять, думал он. О чем, бишь, я? Да, о соде... У меня, по всей вероятности, катар желудка... Удивительно: Смирновский целый день глушит водку, и у него до сих пор нет катара... На окно какая-то птичка села... Воробей...

Павел Васильевич сделал усилие, чтобы разомкнуть напряженные, слипающиеся веки, зевнул, не раскрывая рта, и поглядел на Мурашкину. Та затуманилась, закачалась в его глазах, стала трехголовой и уперлась головой в потолок...

Валентин. Нет, позвольте мне уехать... Анна (испуганно). Зачем? Валентин (в сторону). Она побледнела! (Ей). Не заставляйте меня объяснять причин. Скорее я умру, но вы не узнаете этих причин. Анна (после паузы). Вы не можете уехать...

Мурашкина стала пухнуть, распухла в громадину и слилась с серым воздухом кабинета; виден был только один еедвигающийся рот; потом она вдруг стала маленькой, как бутылка, закачалась и вместе со столом ушла в глубину комнаты...

Валентин (держа Анну в объятиях). Ты воскресила меня, указала цель жизни! Ты обновила меня, как весенний дождь обновляет пробужденную землю! Но... поздно, поздно! Грудь мою точит неизлечимый недуг...

Павел Васильевич вздрогнул и уставился посоловелыми, мутными глазами на Мурашкину; минуту глядел он неподвижно, как будто ничего не понимая...

Явление XI. Те же, барон и становой с понатыми... Валентин. Берите меня!

Анна. Я его! Берите и меня! Да, берите и меня! Я люблю его, люблю больше жизни! Барон. Анна Сергеевна, вы забываете, что губите этим своего отца...

Мурашкина опять стала пухнуть... Дико осматриваясь, Павел Васильевич приподнялся, вскрикнул грудным, неестественным голосом, схватил со стола тяжелое пресс-папье и, не помня себя, со всего размаха ударил им по голове Мурашкиной...

Вяжите меня, я убил ее! сказал он через минуту вбежавшей прислуге.

Присяжные оправдали его.

извините за выражение (франц.).